

Шатинская Е.Н., Глазкова Т.В.

Любовь и семья в дискурсах русской культуры: от художественных репрезентаций к философской рефлексии

Аннотация: Предметом исследования в данной статье являются проблемы любви и семьи как взаимосвязанных феноменов и их интерпретации в текстах русской художественной культуры и философском дискурсе. Актуальность темы заключается в том, что в современной социокультурной ситуации традиционные модели семейных отношений подвержены деконструкции, возникают новые формы легитимации семейных отношений, ранее неприемлемых в обществе, а ценности любви как основы семьи поставлены под вопрос в условиях коммерциализации культуры и атомизации индивида. Был применен метод текстуального анализа и дискурс-анализа, для которого были выбраны репрезентативные тексты русской художественной литературы и философии. Был также применен диахронический метод исследований феноменов культуры. Научная новизна работы заключается в том, что современные противоречия в межличностных отношениях, отражающие специфику постмодернистского состояния культуры и социума, исследуются с точки зрения сходных кризисных явлений, проявившихся в русской культуре 19 века и наших дней в литературном и философском дискурсе. Таким образом, на фоне бурной динамики современной культуры выделяются антропологически универсальные феномены – любовь и семья, – которые сохраняют устойчивость, несмотря на смену культурных парадигм.

Ключевые слова: Культура, семья, отношения межличностные, дискурс, любовь, регуляция, власть, репрезентация, литература, философия.

Review: The subject of the present research is the problem of love and marriage as interrelated phenomena as well as their interpretation in Russian artistic texts and philosophical discourses. The rationale for choosing this topic is the deconstruction of traditional family values in today's sociocultural situation when new forms of legitimized family relations which used to be rejected by society appear and the value of love as the basis of family is in question taking into account the processes of culture commercialization and individual atomization. The researchers have used the method of textual analysis and discourse-analysis to analyze representative texts from Russian fiction and philosophy. The authors have also used the diachronic method to research cultural phenomena. The scientific novelty of the research is caused by the fact that the authors study modern contradictions in interpersonal relations that possess the features of post-modernist culture and society from the point of view of similar crises in the Russian culture of the 19th century that were reflected in literary and philosophical discourses. The conclusion is made that in spite of cultural changes many of the aspects of love-family relations have universal meaning and are a part of human being's existence. Thus, the authors outline universal anthropological phenomena, love and family, that remain stable despite changes in cultural paradigms.

Keywords: Discourse, love, regulation, power, representation, literature, philosophy, interpersonal relations, family, culture.

Семья по своей сущности всегда была, есть и будет позитивистическим мирским институтом благоустройства, биологическим и социологическим упорядочиванием жизни рода...
Семья родилась из необходимости, а не из свободы.

Н. А. Бердяев. Смысл творчества

Мы рождаемся для любви. И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете. И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете. Мы не по думанью любим, а по любви думаем. Даже и в мысли – сердце первое.

В. В. Розанов. Опавшие листья

В истории культуры есть темы, которые можно назвать вечными, к которым вновь и вновь обращаются исследователи различных направлений академического дискурса, пытаясь понять смысл понятий и явлений, которые в каждую эпоху обретают новые смыслы, ускользая от точных определений и окончательных решений. Мы вновь и вновь обращаемся к концептосфере семьи, любви, брака, несмотря на громадный объем литературы, посвященной этим проблемам. Тем не менее, необходимость рассмотреть некоторые аспекты этих феноменов, пересмотреть ряд понятий и ценностных установок заключается в крайней важности понимания того, что происходит с семьей в наше время, когда изменяется семантика многих понятий, относящихся к социокультурной сфере, когда под вопрос ставятся многие традиционные смыслы и ценности, связанные с этими понятиями.

Вызовы современной культуры показывают противоречивость положения семьи в системе ценностей современного человека, что неминуемо отражается в социокультурной практике. С одной стороны, возникли такие формы отношений как «гражданский брак» (по существу, сожитительство), уменьшается ответственность за потомство, возрастает количество одиноких родителей (причем, не только женщин), желание иметь детей приходит поздно, поскольку на первое место ставится карьера и создание устойчивого положения в обществе, легитимизируются однополые браки; с другой – все больше молодых людей говорят о крепкой и счастливой семье как главной ценности в жизни, а стремление иметь ребенка приводит к различным формам осуществления этого желания при помощи новейших медицинских технологий. В чем причины этого противоречия и может ли оно быть разрешено?

Перед тем, как попытаться найти пути решения некоторых из явных и широко обсуждаемых проблем наших дней, относящихся к сфере межличностных отношений, необходимо ответить на вопрос: как можно исследовать столь разнородный понятия – и стоящие за ними феномены – как «семья» и «любовь»? Если первая поддается социологическим методам исследования, может быть описана как социальное явление, реифицированное в различных практиках, то второе – великая загадка Вселенной – не поддается рационализации (по мнению многих) и не укладывается

ни в какие методологические схемы. На тему семьи написано множество работ по социологии, психологии, педагогике и другим социогуманитарным дисциплинам; о любви пишут писатели и поэты, но и философы не обходят ее стороной, отвечая на вопрос, можно ли рефлексировать по поводу любви. Известная писательница и философ Айн Рэнд так отвечает на этот вопрос: «...одним из самых вредных – с точки зрения количества человеческих страданий – заблуждений, порожденных мистицизмом, нужно считать веру в то, что любовь – дело «сердца», а не ума, что она – эмоция, не зависящая от разума, слепая и недоступная философскому мышлению. Любовь – это выражение философии, подсознательного философского единства, и она отчаянно нуждается в сознательной силе философии – так, как, наверное, не нуждается ни один другой аспект человеческого бытия» [1, с.30].

Несмотря на «разноположенность», оба понятия прочно связаны как в теоретической рефлексии, так и в культурных практиках, повседневной жизни и художественных произведениях и философских текстах. Говоря языком художественной литературы, эту связь можно выразить в общепринятой в XIX веке формуле: «предложение руки и сердца» – для русской культуры в идеале эти понятия составляли единое, хотя и внутренне противоречивое целое. Понимая всю сложность поставленной проблемы, а также быструю динамику семантики исследуемых нами понятий, мы лишь делаем заявку на более глубокое исследование различных намеченных в данной работе аспектов соотношения семьи и любви, понимая, что скорее ставим вопросы, чем пытаемся дать на них ответы – последнее требует гораздо более масштабного исследования. Мы берем за основу тексты культуры, как и философские, так и художественные, содержащие репрезентации семейных и любовных отношений в русской культуре XIX века. Несмотря на постмодернистское отрицание истории как фактора, формирующего современные культурные практики, мы считаем, что многие противоречия сегодняшнего дня, амбивалентность концептосферы семьи как пространства реализации межличностных отношений и как социального института становятся более понятными при обращении к дискурсам и репрезентациям еще недавнего (по историческим меркам) прошлого нашей культуры.

Анализируя специфику семейных отношений в их репрезентациях в русской культуре, необходимо отметить специфику дискурсивных формаций этой культуры, которые характеризовались «умалчиванием», «сокрытием» аспекта как любовных, так и семейных отношений. «Сексофобия» русской культуры, сохранившаяся до начала XX века, отмечается исследователями [2] и становится основой для многочисленных иносказаний, умалчиваний, эвфемизмов, которые обнаруживаются при внимательном чтении тестов русской классической литературы. Нами был проведен анализ романа И. А. Гончарова «Обрыв», который показал, как сексуальность «скрывается» легитимным дискурсом, что, во многом было вызвано требованиями цензуры [3]. Тем не менее, это не означает отсутствия эротизма в русской культуре. «Русский Эрос, как он отразился в русской литературе 19 века, никогда не был простым прославлением чувственности, наслаждения, гармонии духа и тела... русская литература остро чувствовала антинормию любви-эроса и любви-жалости и всегда истолковывала феномен любви с глубочайшей степенью психологизма» [4, с.130]. Эти слова можно отнести и к пониманию семьи, учитывая нераздельность «руки и сердца» в культурной традиции русского художественного творчества.

Семья как полифункциональное пространство социальности

В наши дни принято говорить об изменении понятия «семья» в связи с легитимацией многих (ранее неприемлемых и осуждаемых) ее форм. Но истоки этого кризиса уходят еще в XIX век, что отражено в ряде текстов художественной культуры. «Толчком к осознанию общего кризиса брака и сексуальности послужила толстовская «Крейцера соната», в которой писатель публицистически заостренно выступил практически против всех общепринятых воззрений на брак, семью и любовь» [5, с.22].

Причиной этого кризиса во многом послужила амбивалентность и полифункциональность самих понятий «семья» и «любовь», а семантическая путаница, как известно, часто ведет к непониманию и кризисам в межличностных отношениях и в формах социальности. Рассмотрим некоторые традиционные функции семьи, которые, по мнению многих специалистов, уже ушли в прошлое или изменились до неузнаваемости.

В течение долгого времени семья рассматривалась как механизм стабилизации социальной и религиозной системы. «В пре-модернистской Европе большинство браков заключалось по контракту – не столько на основе взаимного сексуального притяжения, сколько по экономическим обстоятельствам» [6, с.64], – отмечает Э. Гидденс в своем исследовании сферы интимных межличностных отношений в современных обществах. Рассматривая внутреннюю сущность семьи как формы социальной регуляции, русский философ Н. А. Бердяев также отмечает отсутствие личного момента в такого рода союзе: «Тайны брачной нет в семье. Не для брачной любви создается и устраивается семья, а для благоустройства и благосостояния рода» [7, с.425]. Именно на этих основаниях и строилась традиционная семья в различных культурах вплоть до Нового времени, когда понятия любви и семьи стали сближаться. Это объясняет трагизм великих любовных нарративов прошлого, основанных обреченности «пре-ступной» любви, нарушающей эту функцию семьи. Только начиная с XVIII века приходит осознание возможности и необходимости любви в семье. Это отмечает известный немецкий социолог Н. Луман в своем исследовании любви как сферы человеческих отношений, анализируя понятие романтической любви как нового феномена в человеческих отношениях этой эпохи, «...которая провозглашает страстную любовь тем принципом, на котором должен основываться выбор супруга (супруги) – то есть брак по любви» [8, с.129]. Но это понимание семейного союза возникло достаточно поздно и далеко не всегда воплощалось в реальность, во всяком случае в более традиционалистских общественных группах, в которых предпочитались более привычные формы семейного союза,

Другой важнейшей функцией семьи, в особенности важной для русской культуры, является ее понимание как пространства реализации человеческой личности. Согласно теории Н. О. Лосского, уникальность каждого человека ярче всего проявляется в соборности. «Мир состоит из бесконечного множества личностей. Многие из них творят все свои жизненные проявления на основе любви к Богу, большей, чем к себе, и любви ко всем остальным существам в мире» [9, с.24]. Семья с этой точки зрения представляется собором абсолютно уникальных личностей. Во всяком случае, в идеале – именно в этом ее назначение в куль-

туре. Уникальность каждой личности наиболее ярко проявляется в семье: только единство неповторимых действий каждого делают возможным ее существование. И поскольку действие каждого члена семьи предполагает реакцию другого и чаще всего нацелено на подчинение воли и интересов другого, естественно, что семья в первую очередь оказывает влияние на формирование личности.

Одной из важнейших функций семьи (создаваемой в результате официально санкционированного брака) является легитимация сексуальных отношений. Эта функция семьи характеризует переходную стадию от язычества к христианству в русской истории. Проповедники новой религии «неустанно боролись за то, чтобы все вопросы, связанные с заключением брака, а также с сексуальными контактами вне его, регулировались лишь нормами церковного права и постулатами православных дидактических сборников» [2, с.47].

Говоря о брачных обычаях наших славянских предков до-христианского периода, нельзя не упомянуть отмеченные во многих источниках формы союза мужчины и женщины, основанного на взаимном эротическом влечении и вовсе не обязательно завершающиеся легитимацией. Так, традиция похищения женщины с ее согласия – «яркий пример живучести брака по любви, заключения его на основе личной, в том числе сексуальной склонности и предпочтительности» [2, с.48]. Не всякая сексуальная связь приводила к обязательной легитимации. «...в ранние эпохи отношение к добрачным сексуальным связям девушек было в народе... куда более терпимым».

В. М. Васнецов. Снегурочка и Лель

В то же время отмечается, что «... добрачные связи и возникавшие на их основе половые союзы были недолговечны и непрочны»

[2, с.51]. Вполне закономерной была установка православной церкви на регуляцию сексуального поведения путем венчанного брака как единственно легитимного в противовес архаическим традиционным формам. Интересно, что в наше время «деретуализация» культуры, приведшая к практике «свободных отношений», смены партнеров и реабилитации гомосексуальности соседствует со стремлением к закреплению союза в форме венчания, хотя этот обряд носит, скорее, декоративный характер.

Любовь и семья: идеал человеческих отношений или уничтожение свободы

Что касается понятия «любовь», оно еще более сложно и противоречиво, но в данном случае мы ограничимся теми аспектами любви, которые непосредственно связаны с ее реификацией в семейных отношениях. Любовь и семья находятся в сложных отношениях, меняющихся в зависимости от историко-культурных контекстов. Говоря о русской культуре XIX века, мы видим выраженное противоречие отношения любви и семьи. С одной стороны, в традиции романтического дискурса брак – это способ осуществления любви, это обещание ее вечности, (о котором мечтают все влюбленные) скрепленной церковными обетами, а позже гражданским оформлением, «штампом» на любви, декларирующим ее нерасторжимость. С другой стороны, семья рассматривается как ограничение свободы, как обещание того, чего свободный человек обещать не может. Своеобразное понимание любви как взаимобмена декларируется в романе И. А. Гончарова «Обрыв» Марком Волоховым, который, заменив социальные императивы природной санкцией свободы, пытается поставить свои отношения с героиней романа Верой на основу равенства. «Свобода с обеих сторон – и затем – что выпадет кому из нас на долю: радость ли обоим, наслаждение, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги – это уже не наше дело» [10, с.307]. Но это равенство – лишь риторическая фигура, потому что в отношении любви изначально задано неравенство тендерных ролей, а, значит, и неравенство судеб. Это осознает и сам Марк, хотя признается себе в невозможности природного равенства лишь после разрыва с Верой. Она отвергает такой «ложноравный» договор и предлагает свою модель

Актуальный вопрос

«взаимообмена», где в ответ на ее любовь она получает гарантию безопасности и стабильности. «Счастье» для нее – это категория перманентная, т. е. находящаяся в сфере регулирования. «Я не хочу предвидеть ему конца, а вы предвидите и предсказываете: я и не верю, и не хочу такого счастья; оно неискренне и непрочно...» [10, с.308].

Ю. Игнатъев. Иллюстрации к роману «Обрыв»
URL: <http://www.goncharov.spb.ru/obriv/>

Можно согласиться с тем, что судьба героев романа как пространства дискурса определяется интересами самого дискурса, но их интенция обусловлена стремлением к разрешению напряжения, возникающего в ходе «свободных» отношений, т. е. не носящих на себе печать «санкции» норматива, религиозного, социального или культурного. Эта «внутренняя агрессивность любви» формулируется таким образом: «Поскольку страстные любовники рассматриваются как люди, которые восстали против социальных оков, ими восхищаются. Но в реальной жизни отношения любви сами становятся социальными оковами, и партнера по любви начинают ненавидеть, и все более неистово, если любовь достаточно сильна, чтобы сделать узды такими, что их трудно разорвать» [11, с.804]. Возвеличивающий любовь дискурс стремится уйти от такого результата, отказав Вере и Марку в «супружеском счастье», разведя их судьбы.

Чаще всего мы сталкиваемся с любовными трагедиями в дискурсивных практиках романтизма, в особенности в музыкально-поэтических формах, но имеем дело со «счастливым» или, во всяком случае, компромиссным

концом в буржуазном романе, который признает форму брака как легитимизированного отношения власти. С этой точки зрения в «Обрыве» всеми средствами утверждается нормативный характер брачных отношений как единственно возможной сферы любви, жизни и Добра, противоположностью которой является страсть, смерть и Зло. «Счастье... ведет за собой долг... за отданные друг другу лучшие годы счастья платить взаимно остальную жизнь». В некоторые исторические периоды, характеризующиеся стабильностью, такая жизнь становилась идеалом средних классов: сохранение прошлого, поддержание *status quo*, воспевание «радостей домашнего очага». Но в более динамичные эпохи, когда на первый план выходит борьба, производство, созидание, ощущение бесконечности будущего, необходимо развертывание, раскрытие такого рода отношений, что, несомненно, ведет к конфликту между устоявшейся ценностной структурой и растущими внутри нее самой изменениями. Героиня Гончарова делает свой выбор в пользу «незыблемости правды и неизменности ценностных приоритетов, утверждая универсальный характер человеческой морали.

Противоречие спонтанной человеческой эмоции и легитимизированной стабильности вызвало к жизни многочисленные художественные и философские тексты. Именно утраченная, неразделенная, несчастная любовь, вызывает творческий импульс как у поэтов, так и у композиторов-романтиков, создавая то дискурсивное пространство, где можно высказать поэтико-музыкальным языком богатый спектр эмоций, характерный для Любви-Страдания. В отличие от любви счастливой и осуществленной, любовь-страдание эмоционально богаче, поскольку несет в себе обе стороны любви, Эрос и Танатос. Воспоминание об утраченном счастье или мечта о несбывшемся составляют важную часть текстов песен, в то время как состояние героя, оставленного возлюбленной, дает возможность выражения целого спектра чувств, от лирической печали до страстного порыва отчаяния. Такое открытое выражение страдания, обгаженный нерв автора был в эпоху становления романтизма своеобразным протестом против классицистского регламентирования эмоциональной экспрессии. «В эстетическом плане романтики были великими бунтарями и новаторами. Сознательно же они по большей части были противниками Аристотеля и

склонялись к какой-то дикой, неуправляемой мистике. Они не рассматривали свой бунт в философских категориях и бунтовали (во имя свободы творчества) против эстетического «истэблшмента» тех времен, классицизма», – пишет А. Рэнд [1, с.104]. В связи с этим позволим себе отступить привести пример из области музыкально-поэтического дискурса русского романтизма – романс А.С. Даргомыжского на стихи А. В. Тимофеева «Свадьба» (1834). Даже первые строки романса наполнены духом отрицающей условности свободы любви: «Нас венчали не в церкви, Не в венцах, не с свечами, Нам не пели ни гимнов, ни обрядов венчальных». «Животрепещущую тему о свободе человеческого чувства, порвавшего оковы церковного брака, Тимофеев облек в форму эффектного романтического стихотворения. ...Тимофеев противопоставляет во всем стихотворении «любовь да свободу» – «злой неволюшке». Природу он рисует с той красочной преувеличенностью, которая характерна для романтики. ...Полночь, мрачный бор, туманное небо и тусклые звезды, утесы и бездны, буйный ветер и ворон злоеший. Ночная гроза изображена столь же романтически-преувеличенно: «Гостей угощали// Багровые тучи. Леса и дубравы// Напились допьяна. Столетние дубы// С похмелья свалились». С этой мрачной картиной разгула стихий контрастирует живописная и жизнерадостная картина солнечного утра: Восток заалелся// Стыдливым румянцем. Земля отдыхала// От буйного пира; Веселое солнце// Играло с росой; Поля разрядились// В воскресное платье; Леса зашумели// Заздравною речью; Природа в восторге, // Вздохнув, улыбнулась!» [12].

Даргомыжский, полностью воссоздавая текст Тимофеева, сохраняет, даже усиливает, те красочные контрасты, которые свойственны стихотворению. В результате романс-баллада становится подлинным выражением духа романтизма, как по форме, так и по содержанию, хотя речь здесь идет о торжестве любви, в отличие от ее утраты. Тем не менее, вся атмосфера романса, множество мрачных образов создают атмосферу тревоги и недолговечности ликования, апофеоза свободной любви, невозможного в человеческом обществе. Разочарование, утрата и безнадежность – то, на что обречены герои «Свадьбы» в их попытке утвердить своё право распоряжаться своей судьбой. Разгул природных стихий – лишь символ безнадежной борьбы за свободу люб-

ви, свободу выбора, свободу личности, в которую вступили герои. Свобода же неизбежно сталкивается с регулированием человеческого поведения со стороны власти, которая не обходит и сферу интимных отношений.

Интересно, что сходное понимание трагической сущности любви мы видим в совершенно ином дискурсивном пространстве – в работе В.С. Соловьева «Смысл любви», в которой он утверждает, что «чем сильнее страсть, тем чаще она бывает неразделенной, приводит скорее к трагедии, чем к порождению гениального потомства» [4, с.253]. Связь любви и семьи русским философом, таким образом отрицается, а эрос реализуется не в семейно-бытовой сфере, а в духовной связи любящих.

Любовь как властное отношение

В области философии, у истоков понимания любви как властного отношения в европейской мысли стоит Ф. Ницше, который видит сущность отношений мужчины и женщины в постоянной «войне полов»: «Любовь в своих средствах война, в своей основе – смертельная ненависть полов» [13, с.727]. Для Ницше любовь – это прежде всего выражение стремления к господству, собственно, всеобщего желания власти, обладания. Это отношение применимо ко всем объектам любви, вплоть до природы [14, с.526]. Даже сексуальное влечение, по Ницше, уходит истоками в стремление к власти. Взаимоотношения влюбленных конституируются как борьба за власть. Воля к власти самодостаточна. Человеческие взаимоотношения пронизаны конфликтующими волевыми потоками и властными импульсами, причем характер этих отношений не зависит от относительного подчинения одной воли другой.

В соответствии с выработанными в течение веков во многих культурах нормами в любви мужчина обладает, а женщина обладаема. Будучи неспособной бороться за роль Господина, женщина достигает власти путем добровольного подчинения. Эта ситуация распространена и символически закреплена во многих не-европейских культурах, но европейская культура не пытается гармонизировать отношение таким образом, так как в этом заключен момент ограничения свободной воли индивида, концепта крайне важного для всей европейской цивилизации. Ницше также осознает напряжение в отношении вла-

сти/подчинения, а в XX веке, в условиях более «открытого» дискурса феминизма, С. де Бовуар эксплицирует это напряжение, применяя такие термины как «деспотизм», «разрушение» и др.

Вся ницшеанская теория «войны полов» основана на предпосылке изначальной детерминированности гендерных ролей. «Мужское» и «женское» предполагают свою собственную систему означаемых и референций. Но в любовных отношениях каждый из партнеров несет в себе и «активное», и «пассивное» начало, и стремление к господству, и желание подчиниться. Ответ другому требует свободной отдачи, которую трудно сочетать с одновременным контролем над ситуацией и сохранением самоуважения.

Философскому дискурсу любви свойственна амбивалентная трактовка этого отношения. С одной стороны, сформулированная в учении Ницше и нашедшая отражение в многочисленных дискурсивных практиках концепция любви как желания обладать Другим, которое выходит за пределы полового влечения. Это стремление контролировать желания Другого, осуществить «власть третьего измерения» (т. е. заставить Другого хотеть чего-либо, даже если это не в его интересах).

С другой стороны, этому «образу эмоциональной тирании» противопоставляется концепция любви как почитания и послушания, сформулированная как ответ на концепцию любви-власти. «Любить кого-то – значит желать того, чего желает он, по той причине, что он этого желает. Такое желание бескорыстно, или альтруистично, так как его объекты непосредственно связывают собственные нужды любящего, его стремления, планы, идеалы с нуждами и стремлениями объекта его любви» [15, с. 45]. Именно такое понимание любви соответствует идеологии христианского брака, предполагающего, что супруги делят свою судьбу «в горе и радости». Но именно формальное закрепление «вечной любви» обрачивается диктатом власти, церковной или светской, над интимной сферой человеческой жизни. В. В. Розанов в своем сочинении «Люди лунного света» указывает на этот ракурс проблемы семьи в христианстве, связанный с ложным пониманием смысла семейного единения людей: «У христиан, по строжайшему учению Церкви, брак есть *форма*; а миряне договорили: “формальность”. Эта-то *суть* и разрушает или растлевает европейскую семью» [16, с.340].

Русская литература как пространство рефлексии любви и семейных отношений

Противоречивость межличностных отношений в семье описывается и исследуется русскими писателями, для которых вопросы любовных/семейных отношений приобретали сущностно важный, экзистенциальный смысл, становились формой философской рефлексии, выраженной в художественной форме (что характерно для русской литературы этого периода в целом – она во многом взяла на себя миссию социальной философии, поднимая важнейшие вопросы человеческого существования). Ф. М. Достоевский в своем художественном творчестве воплотил «двойственность» отношения к понятию семьи, свойственную христианской культуре. Об этом – запись, сделанная Ф. М. Достоевским в записной книжке 16 апреля 1864 года, в день смерти жены, Марии Дмитриевны Исаевой. «Семейство, то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. Семейство – это высочайшая святость человека на земле, ибо посредством этого закона природы человек достигает развитием (то есть сменой поколений) цели. Но в то же время человек, по закону же природы, во имя окончательного идеала своей цели, должен непрерывно отрицать его» [17, с.172].

Ф.М. Достоевский. Фото, 1879

В реализме Достоевского любовь понимается как жертва, приносящая жертвующему райское наслаждение, а семья становится одновременно испытанием человека и наградой ему. Разумеется, в данном контексте речь идет о мире взрослых людей. Страдания же детей в родной семье, к которым так часто обращается Достоевский и в публицистике и

в художественной прозе, нельзя рассматривать как неизбежное в мире зло, необходимое для осуществления гармонии [18]. Принося ребенка в жертву своей лени [19], родитель, взрослый человек, по Достоевскому, не исполняет закона стремления к идеалу и тем самым неизмеримо отдаляется от своего предназначения.

Двойственность человеческой природы, которая проявляется и в двойственности понятия семьи, не предполагает «поэтическое, живое согласование светлых тонов с темными – и больше ничего» [20, с.194]. У Достоевского это всегда борьба: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [21, с.100]. Ницшеанская направленность этого заявления трансформируется – в соответствии с общей религиозной направленностью поисков писателя – на место «войны полов» приходит борьба Бога и дьявола. Развитие этой мысли (а, может быть, подходы к ней, если учитывать обратный временной план создания черновиков и готового текста произведения) находим в Черновом наброске к первой части романа «Братья Карамазовы»: «Старец говорит, что Бог дал родных, чтоб учиться на них любви» [22, с.205]. Поэтому семейство и рассматривается «как практическое начало любви» [22, с.249]. Оставить дом и семью, по Достоевскому, можно только для защиты родины, которая для человека неразрывно связана с его детьми, родителями, близкими людьми, то есть опять же – ради семьи [23, с.161].

Восприятие писателем семейных ценностей обусловлено христианской традицией, в русле которой складывалось его мировоззрение и художественное видение после 1854 года. Поэтому двойственность, о которой говорит Достоевский, становится совершенно понятной. Пожалуй, точнее всего сказал об этом С. И. Фудель: «Церковь для тех, кто ее принимает всерьез, есть одновременно и стояние у Креста, и Пасха» [24, с.216]. Надо ли говорить, что писатель как никто другой всерьез воспринимал все, что было связано с христианством.

Достоевский впервые в русской литературе со времен Лермонтова дал общественной болезни диагноз: «случайное семейство». Лермонтов в «Герое нашего времени писал»: «Будет и того, что болезнь указана» [25, с.8]. Достоевский предложил выход – «благочестивое семейство» – и

лечение – в припадении к вере: «Бог дал родных, чтоб учиться на них любви». Выход этот идеален по своей природе, что и показано в судьбах героев романов Достоевского, которые в своих судьбах лекарства от этой болезни не нашли.

Если размышления Достоевского носят интенсивно-драматический характер, то А. Н. Островский, великий драматург, знавший как никто все стороны русского быта, «внутреннюю» жизнь всех слоев русского общества в ее повседневных проявлениях, обращается к противоречиям семейных и любовных отношений в разных жанровых формах. Фарсово-комедийная интерпретация темы «женидьбы» в 1860-е годы получила свое воплощение в комедии А. Н. Островского «За чем пойдешь, то и найдешь», более известной под названием «Женидьба Бальзамина». Основной мотив: женидьба как способ безбедного существования. Герою «хочется жить прилично, а способов никаких нет-с». Поэтому он решает женидься на богатой, для чего с утра до ночи прохаживает под окнами богатых невест: «Вдруг понравится – ну и богат, и счастлив; не понравится – ну, всю жизнь бедствуй».

Мир семьи в драматургии А. Н. Островского тесно связан с образами «темного царства», патриархальных домостроевских традиций и попытками героев (а вернее – героинь) вырваться из-под их власти. В драме «Гроза» психологический конфликт, связанный с внутренним миром героини, обусловлен несовпадением семейного уклада в родном семействе Катерины и в семействе ее мужа. Об этом написал литературовед В. В. Основин: «Катерина с детства воспитывалась в своеобразной обстановке, выработавшей в ней романтическую мечтательность, религиозность и жажду свободы. Эти черты характера и обусловили в дальнейшем трагизм ее положения» [26, с.160-161].

Рассматривая логику поведения героини с точки зрения православной культуры, протоиерей Сергей Махонин задается вопросом, на который, впрочем, сам и отвечает: «... почему девушка, воспитанная в благочестивой семье, любящая Церковь, войдя в другую семью, тоже верующих людей, заканчивает жизнь в омуте? Дело в том, что здесь оказался погран принцип свободы, на котором зиждется христианская нравственность и христианское мировоззрение» [27, с. 152].

С. В. Герасимов. Иллюстрация к драме «Гроза»

Вероятно, поведение героинь А. Н. Островского надо рассматривать в контексте противопоставления любви и брака. Это тот самый протест против социализации чувства, о котором говорил Н. А. Бердяев [28]. У Гоголя герой противится браку, недоумевая, почему обязательно надо быть вдвоем с женой, да к тому же навсегда. У Островского в «Грозе» тяготы брака испытывает на себе героиня, что прежде всего связано с нелюбовью к мужу и появлением возлюбленного. Но проблема выходит за рамки любовного треугольника, так как возникновение этого треугольника тяготит его участников и обусловлено общественным и церковным отношением к браку.

Не только литература, музыка и поэзия, но и философия «разводит» понятия любви и семьи как несовместимые. Русский философ Н. А. Бердяев сказал о семье: «Семья есть иерархическое учреждение, основанное на господстве и подчинении. В ней социализация любви означает ее подавление» [29, с.132]. Н. А. Бердяев подчеркивал, что любовь и общество противопоставлены друг другу, поэтому «любящий, в высшем смысле этого слова, враг общества» [29, с.142]. Таким образом, любовь противопоставлена семье.

Философ считал, что мировая литература защищала право и достоинство любви не социализированной. Позиция, справедливая по отношению к традиции литературы западноевропейской, при взгляде на русскую реалистическую литературу вызывает противоречивую реакцию. Это связано, прежде всего, с тем соотношением, какое установилось в русской литературе между ролью в ней проблемы «отцов и детей», «любви двоих, встречающей неприятие общества», «любовного

треугольника» и «свободной любви». Русская культурная традиция, подхваченная русской литературой, в понятие семьи включает темы детства и воспитания, а не взаимоотношения полов.

Но Н. А. Бердяев, учитывая эту особенность семьи, видит в ней проявление значительной степени несвободы и даже рабства: «Семья религиозно, морально и социально оправдывает грешную, падшую половую жизнь деторождением и для деторождения возникает» [30, с.185]. Это противоречие неизбежно по причине амбивалентного характера самой любви как воплощения созидания, материнства, стабильности, с одной стороны, и стремящейся освободиться от всяких ограничений стихийной силы, с другой.

Возможность примирения этих двух начал всегда была недостижимой мечтой романтиков – в большинстве случаев отношения супругов вписывались в модель господства/подчинения, гарантирующую стабильность маскулинной культуры. В этом случае любовь становилась одним из видов отношения власти. Осуществление этой мечты было возможно в случае взаимного уважения, общих интересов и ощущения союза двух личностей как единого целого, о чем пишет В. В. Розанов в своей статье «Брак и христианство» [31]. Но и в этом случае возникает противоречие: такого рода союз существует постольку, поскольку продолжается взаимность чувства – если любовь угасает или переключается на другой объект, созданная на основе взаимной любви целостность перерастает в вынужденное сосуществование или все в то же отношение власти.

Заключение: концептосфера любви и семьи в наши дни – деконструкция или новые культурные смыслы?

Обращаясь к современности, можно сказать, что те модели межличностных отношений, которые стали распространенными сегодня, несомненно, носят системе деконструктивный характер по отношению к религиозно-государственной семье. Тем не менее, эта деконструкция не является деструкцией. Во-первых, формы свободного сожительства практиковались в древности во многих культурах, в частности в культуре древних славян, (о чем мы писали выше), поэтому обращение к ним сегодня является признаком не инновации, а нео-архаизации.

Во-вторых, стремление к тому, чтобы разделять жизнь с любимым человеком и иметь общее потомство является антропологически универсальным, хотя и осуществляется в разных формах. Что касается таких современных феноменов как однополые браки, как отцы-одиночки и пр., они являются индикатором состояния культуры, в которой «атомизированный индивид» ищет приемлемые для него формы межличностных отношений. Несомненно, это связано и с такими феноменами как сексуальная революция, становление женщины как самостоятельного индивида, феминизация культуры, возможность выбора в отношении потомства и пр. – все они повлияли на межличностные отношения, причем это влияние стало разновекторным – как разрушающим стабильность семейных отношений, так и создающим их новые формы.

В-третьих, изменение дискурсивных формаций и форм репрезентации может показаться фактором деконструкции всех предшествующих текстов культуры и содержащихся в них смыслов. Уже в XX веке репрезентации семейных и любовных отношений претерпевают значительные изменения, которые носят как тематический, так и структурный характер, что связано со спецификой всей области социального дискурса, в котором появляются новые дискурсивные универсумы, связанные с легитимизацией темы сексуальности в литературе, что ведет к смене политик репрезентации. В результате переосмысливается само понимание любви, легитимизированной или нет, в котором сексуальность присутствует уже не имплицитно, а выводится в собственный дискурсивный универсум. Другой особенностью структуры дискурсивного пространства современной культуры является стирание «жанровых» границ между различными дискурсами, что является результатом медиатизации культуры. В результате создается новая интертекстуальная матрица, где литературный текст сосуществует с кино, телетекстом, которые, в свою очередь, продуцируют новые литературные тексты. Примером этому могут служить многочисленные серийные нарративы, которые существуют и в форме телесериалов, и в форме популярных бестселлеров, причем трудно определить, какой текст является первичным.

В-четвертых, одной из важных особенностей репрезентации семейных и любовных отношений в современной культуре (в особенности массовой, которая все более ши-

роко распространяется по всем культурным пространствам, подчиняя своим стратегиям и «элитарную» и «фольклорную» культуру) является усиление визуального элемента. Отсюда распространенность экранных жанров, представление классических произведений в виде фильмов или сериалов, которые производятся культурной индустрией по законам коммерции и рынка. Отсюда повышенное внимание к сексуальным отношениям, к гедонистической стороне любви и брака, с одной стороны, и «обывление», снижение семьи, требующей ответственности и реализующей себя в рутинных повседневности, в противовес гедонизму свободных отношений. Как правило, обе модели соседствуют в одном и том же продукте массовой культуры, что позволяет привлечь группы аудитории с разными, часто противоположными отношениями к семейным и любовным отношениям и выразить сосуществование противоположных и неустойчивых ценностных установок в современной культуре. Популярная культура, несмотря на ее коммерческую ориентацию и стремление к расширению аудитории, в целом остается достаточно консервативной в решении дихотомии чувства и долга в семейных отношениях. Это можно проследить на таком популярном литературном жанре как женский роман, который в условиях кризиса института брака и легитимации различных ранее запрещенных или маргинальных форм любовных отношений представляет традиционные ценности взаимной любви, верности, преодоления препятствий и увенчивания героев брачным венцом как желанные, как единственно вечную ценность. Далее этого развитие отношений не прослеживается, счастливый брак – это момент кульминации в популярном романе. Любовный роман занимает вполне определенное место в социальном дискурсе второй половины XX века, где его задачей является уравновесить другие виды дискурса, особенно публицистического, которые в своем акцентировании проблемы распада семьи и преобладания сексуальности в отношениях между полами заставляют усомниться в возможности существования «вечной» любви в реальной жизни. Переутверждение ценностей семьи и брака в любовном романе носит функциональную роль стабилизации семейно-брачных отношений дискурсивными средствами и в то же время является пространством утопической реализации несбывшихся в реальной жизни мечтаний и идеалов.

Поскольку в современной культуре основной формой социокультурной деятельности становится потребление, любовь становится одновременно способом вырваться из мира повседневности с его конъюмеристской ориентацией и символом функции женщины, придающим смысл ее существованию. В большинстве популярных текстов о любви ценности любви и брака в конце концов одерживают верх над ценностями свободы и независимости. Напротив, тексты интеллектуальной культуры, как правило, оставляют этот вопрос нерешенным, не подписываясь ни под популярными мифами, ни под феминистскими разоблачениями. В сфере популярного потребителя хочет ясного ответа на все вопросы, подтверждения докс и представлений, отвечающих его вкусам и тайным амбициям.

Разобрав некоторые проблемы семьи и любви, столь остро стоящие в современном

мире, проследив некоторые исторические корни этих проблем, можно сказать, что каждая эпоха дает свои ответы на «вечные» вопросы любви и долга, свободы и ответственности, стремления к стабильности отношений и к бегству от стабильности, выраженному в различных формах эскапизма. Несомненно, эти ответы зависят от особенностей социокультурного контекста, в особенности в лиминальные эпохи, когда расшатываются – намеренно или спонтанно – все предыдущие понятия и ценности. Тем не менее, даже в этих условиях остаются неизменные человеческие потребности в любви, в создании своего пространства ее реализации, то есть в семье, ядро которой, несмотря на все «изыски» современной цивилизации, составляет – в идеале – союз двух любящих людей, которые хотят делить друг с другом горе и радость, жить друг в друге, таким образом утверждая Себя через Другого, обретая полноту бытия.

Библиография:

1. Рэнд А. Романтический манифест. М.: Альпина Паблишер, 2011. 199 с.
2. Пушкарева Н.Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 51–103.
3. Шапинская Е.Н. Властные стратегии и дискурс любви в романе Гончарова «Обрыв» // Вопросы социологии. 1996. № 7. С. 123–151. URL: <http://sociologos.net/shapinskaya-vlastnie-strategii> (дата обращения 12.01.2015 г.)
4. Шестаков В.П. Эрос и культура. Философия любви и европейское искусство. М.: Терра-Книжный клуб, Издательство «Республика», 1999. 464 с.
5. Кон И.С. Исторические судьбы русского эроса // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М.: Ладомир, 1996. С. 5–30.
6. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. М.: Питер, 2014. 208 с.
7. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1998. 608 с.
8. Luhmann N. Love as Passion. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 21.
9. Розанов В.В. Цель человеческой жизни // Розанов В.В. Метафизика христианства. М.: АСТ: Фолио, 2001. 536 с.
10. Гончаров И.А. Обрыв. М.: Художественная литература, 1986. 448 с.
11. Рассел Б. Истории западной философии: В 3-х кн. Кн. 3. Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во; Изд-во Новосибир. ун-та, 2001. 992 с.
12. Пекелис М. Даргомыжский и его окружение. URL: <http://ale07.ru/music/notes/song/muzlit/dargomyjskiy.htm> (дата обращения 13.01.2016 г.)
13. Ницше Ф. Эссе Homo // Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: «Мысль», 1990. С. 693–755.
14. Ницше Ф. Веселая наука // Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: «Мысль», 1990. С. 491–719.
15. Gilbert P. Human Relations. Oxford, Ukand Cambridge, USA, Blackwell, 1991.
16. Розанов В.В. Метафизика христианства. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 536 с.
17. Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863–1864 гг. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 20. Л., 1980. 432 с.
18. Бочаров С.Г. Леонтьев и Достоевский. Статья первая. Спор о любви и гармонии // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб.: Наука, 1996. С. 162–189.

19. Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» за 1877 год (январь-август) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 25. 254 с.
20. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений: В 9-ти т. М.: Типография В.М. Саблина; СПб.: Русское книжное товарищество «Деятель», 1912–1914. Т. VIII. 357 с.
21. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 14 (ч. 1–10). 512 с.
22. Достоевский Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 15 (ч. 11–12). 624 с.
23. Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» за 1876 год (май-октябрь) // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30-ти т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 423 с.
24. Фудель С.И. Наследство Достоевского. М.: Русский путь, 1998. 288 с.
25. Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 4-х т. М.: Художественная литература, 1976. Т. IV. 542 с.
26. Семенов А.Н. Русская литература в вопросах и заданиях. XII–XIX век. М.: Гуманитарный издательский центр Владос, 2000. 302 с.
27. Протоиерей Сергей Махонин. Опыт преподавания «Основ Православной культуры» // Московские епархиальные ведомости. 2004. № 1–2. С. 152.
28. Глазкова Т.В. Случайное семейство как феномен культуры. М.: Русский раритет, 2010. 256 с.
29. Бердяев Н.А. Размышления об эроте // Эрос и личность. М.: Прометей, 1989. 224 с.
30. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2002. 158 с.
31. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М.: Республика, 1995. 463 с.
32. Л.А. Грицай Гуманистическая модель семейного воспитания в педагогическом наследии Н.Н. Каринцева, И.О. Фесенко и П.П. Блонского // Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 34–45.
33. А.Л. Карпенко Полоролевая идентификация современной женщины // Психология и Психотехника. 2012. № 9. С. 97–103.
34. А.А. Чуприна Философский контекст осмысления семьи как индикатора культурного развития общества // Философия и культура. 2013. № 5. С. 583–593. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.2.
35. Е.А. Безнощенко Ценность семьи в современном западноевропейском обществе: социально-философский дискурс // Философия и культура. 2010. № 9. С. 51–55.

References (transliterated):

1. Rend A. Romanticheskii manifest. M.: Al'pina Pablisher, 2011. 199 s.
2. Pushkareva N.L. Seksual'naya etika v chastnoi zhizni drevnikh rusov i moskovitov // Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture. M.: Lodomir, 1996. S. 51–103.
3. Shapinskaya E.N. Vlastnye strategii i diskurs lyubvi v romane Goncharova «Obryv» // Voprosy sotsiologii. 1996. № 7. S. 123–151. URL: <http://sociologos.net/shapinskaya-vlastnie-strategii> (data obrashcheniya 12.01.2015 g.)
4. Shestakov V.P. Eros i kul'tura. Filosofiya lyubvi i evropeiskoe iskusstvo. M.: Terra-Knizhnyi klub, Izdatel'stvo «Respublika», 1999. 464 s.
5. Kon I.S. Istoricheskie sud'by russkogo erosa // Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture. M.: Lodomir, 1996. S. 5–30.
6. Giddens E. Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh. M.: Piter, 2014. 208 s.
7. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. M.: Pravda, 1998. 608 s.
8. Luhmann N. Love as Passion. Cambridge: Polity Press, 1986. P. 21.
9. Rozanov V.V. Tsel' chelovecheskoi zhizni // Rozanov V.V. Metafizika khristianstva. M.: AST: Folio, 2001. 536 s.
10. Goncharov I.A. Obryv. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 448 s.
11. Rassel B. Istorii zapadnoi filosofii: V 3-kh kn. Kn. 3. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo; Izd-vo Novosib. un-ta, 2001. 992 s.
12. Pekelis M. Dargomyzhskii i ego okruzhenie. URL: <http://ale07.ru/music/notes/song/muzlit/dargomyjskiy.htm> (data obrashcheniya 13.01.2016 g.)
13. Nitsche F. Esse Nomo // Sochineniya: V 2-kh t. T. 2. M.: «Mysl'», 1990. S. 693–755.
14. Nitsche F. Veselaya nauka // Sochineniya: V 2-kh t. T. 1. M.: «Mysl'», 1990. S. 491–719.
15. Gilbert P. Human Relations. Oxford, Ukand Cambridge, USA, Blackwell, 1991.
16. Rozanov V.V. Metafizika khristianstva. M.: AST; Khar'kov: Folio, 2001. 536 s.

17. Dostoevskii F.M. Zapisnaya knizhka 1863–1864 gg. // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30-ti t. L.: Nauka, 1972-1990. T. 20. L., 1980. 432 c.
18. Bocharov S.G. Leont'ev i Dostoevskii. Stat'ya pervaya. Spor o lyubvi i garmonii // Dostoevskii. Materialy i issledovaniya. T. 12. SPb.: Nauka, 1996. S. 162–189.
19. Dostoevskii F.M. «Dnevnik pisatelya» za 1877 god (yanvar'-avgust) // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30-ti t. L.: Nauka, 1972-1990. T. 25. 254 c.
20. Leont'ev K.N. Sobranie sochinenii: V 9-ti t. M.: Tipografiya V.M. Sablina; SPb.: Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», 1912–1914. T. VIII. 357 s.
21. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30-ti t. L.: Nauka, 1972-1990. T. 14 (ch. 1–10). 512 s.
22. Dostoevskii Brat'ya Karamazovy // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30-ti t. L.: Nauka, 1972-1990. T. 15 (ch. 11–12). 624 s.
23. Dostoevskii F.M. «Dnevnik pisatelya» za 1876 god (mai-oktyabr') // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: V 30-ti t. L.: Nauka, 1972–1990. T. 423 s.
24. Fudel' S.I. Nasledstvo Dostoevskogo. M.: Russkii put', 1998. 288 s.
25. Lermontov M.Yu. Sobr. soch.: V 4-kh t. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. T. IV. 542 s.
26. Semenov A.N. Russkaya literatura v voprosakh i zadaniyakh. XII–XIX vek. M.: Gumanitarnyi izdatel'skii tsentr Vlados, 2000. 302 s.
27. Protoierei Sergii Makhonin. Opyt prepodavaniya «Osnov Pravoslavnoi kul'tury» // Moskovskie eparkhial'nye vedomosti. 2004. № 1–2. S. 152.
28. Glazkova T.V. Sluchainoe semeistvo kak fenomen kul'tury. M.: Russkii raritet, 2010. 256 s.
29. Berdyaev N.A. Razmyshleniya ob erose // Eros i lichnost'. M.: Prometei, 1989. 224 c.
30. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva. M.: AST; Khar'kov: Folio, 2002. 158 s.
31. Rozanov V.V. V mire neyasnogo i nereshennogo. M.: Respublika, 1995. 463 s.
32. L.A. Gritsai Gumanisticheskaya model' semeinogo vospitaniya v pedagogicheskom nasledii N.N. Karintseva, I.O. Fesenko i P.P. Blonskogo // Pedagogika i prosveshchenie. 2012. № 2. С. 34-45.
33. A.L. Karpenko Polorolevaya identifikatsiya sovremennoi zhenshchiny // Psikhologiya i Psihotekhnika. 2012. № 9. С. 97-103.
34. A.A. Chuprina Filosofskii kontekst osmysleniya sem'i kak indikatora kul'turnogo razvitiya obshchestva // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 5. С. 583-593. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.2.
35. E.A. Beznoshchenko Tsennost' sem'i v sovremenном zapadnoevropeiskom obshchestve: sotsial'no-filosofskii diskurs // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 9. С. 51-55.